

Творчество И.А. Бунина: философские интерпретации

О.Т. Ермишин

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена интерпретациям, которые развивали русские философы по отношению к литературным сочинениям И.А. Бунина. Автор статьи анализирует противоречия, возникающие в интерпретациях И.А. Ильина, Ф.А. Степуна и В.Н. Ильина. Философские интерпретации дают возможность понять творчество И.А. Бунина с точки зрения его концептуального осмысления. Разные мнения и оценки связаны с философскими взглядами авторов, т.к. философы проецируют свои философские идеи на творчество И.А. Бунина. И.А. Ильин в работе «О тьме и просветлении» сводит все творчество Бунина к изображению внешнего и чувственного опыта. Он доказывает, что Бунин игнорировал духовную жизнь. Ф.А. Степун, напротив, находит в творчестве Бунина духовность и метафизику (статья «Иван Бунин»). В.Н. Ильин не предложил никакой законченной концепции, но обратил внимание на некоторые религиозно-философские мотивы в творчестве Бунина, их связь с мировой мудростью. Автор статьи показывает на примере книги «Жизнь Арсеньева», что у Бунина есть «философия творчества» и творческий метод, который можно определить как «феноменологию душевной жизни». Бунин чаще всего не описывает отдельно душевные состояния литературных героев и окружающую природу, а соединяет их в единый мир, в котором одно проникает в другое. Для бунинского описания жизненных явлений характерно выведение «за скобки» рефлексии, моральных и религиозных оценок (то, что в философии называется «феноменологической редукцией»). Однако за миром человеческих чувств Бунин ищет идеал высшей мудрости, который описывает в книге «Освобождение Толстого». По мнению автора статьи, Бунин не только описывал внешний и чувственный опыт, но искал высшее духовное единство и видел путь к духовному освобождению в законах красоты и гармонии.

Ключевые слова: русская эмиграция, философия творчества, теория литературы, интерпретация, эстетика, религиозно-философское мировоззрение, анализ сознания.

Ермишин Олег Тимофеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

oleg_ermishin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6831-1628>

Для цитирования: Ермишин О.Т. Творчество И.А. Бунина: философские интерпретации // Философские науки. 2020. Т. 63. № 6. С. 10–24. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-10-24

The Works of I.A. Bunin: Philosophical Interpretations

O.T. Ermishin

Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the interpretations of I.A. Bunin's literary works in Russian philosophy. The author discusses the contradictions between the interpretations of the philosophers I.A. Ilyin, F.A. Stepun, and V.N. Ilyin. Philosophical interpretations make possible the conceptual comprehension of I.A. Bunin's works. Difference in opinions and assessments derives from the difference of their philosophical views because philosophers project their own philosophical ideas on I.A. Bunin's works. In the book *On Darkness and Enlightenment*, I.A. Ilyin reduced Bunin's narrative to the image of external and sensual experience. I.A. Ilyin demonstrated that Bunin ignored spiritual life. On the contrary, F.A. Stepun found spirituality and metaphysics in Bunin's works (article "Ivan Bunin"). V.N. Ilyin did not propose any complete concept in relation to I.A. Bunin's works. He drew attention to some religious-philosophical motives in I.A. Bunin's works and their connection to world wisdom. On the example of the novel *The Life of Arseniev* the author of article shows that Bunin has "philosophy of creativity" and creative method, which can be defined as the "phenomenology of spiritual life." Bunin most often does not describe separately the mental states of literary characters and the surrounding nature, but unites them into a single world in which one penetrates into the other. For Bunin's description of life phenomena, it is characteristic to "bracket out" reflection, moral and religious assessments (what in philosophy is called "phenomenological reduction"). However, Bunin looked for the ideal of supreme wisdom behind the world of human feelings. He described this ideal in the work *The Liberation of Tolstoy*. The article proves that Bunin not only described external and sensual experience, but he looked for supreme spiritual unity and saw the way to spiritual liberation in the laws of beauty and harmony.

Keywords: Russian emigration, philosophy of creativity, theory of literature, interpretation, aesthetics, religious-philosophical worldview, analysis of consciousness.

Oleg T. Ermishin – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Research Centre of Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad.

oleg_ermishin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6831-1628>

For citation: Ermishin O.T. (2020) The Works of I.A. Bunin: Philosophical Interpretations. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 6, pp. 10–24. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-10-24

И.А. Бунин не так часто привлекал внимание философских авторов, что вполне объяснимо: он в отличие от многих своих современников не проявлял интереса к философии как сфере рационального знания. Конечно, можно сказать, что у Бунина были своего рода «художественная философия» и эстетическое мировоззрение. В какой-то мере свои мировоззренческие и религиозные взгляды Бунин изложил в книге «Освобождение Толстого» (1937), в которой одной из главных тем стало стремление к совершенству, путь к духовному освобождению. Однако есть существенная разница между религиозными и философскими размышлениями. Тем не менее некоторые русские мыслители в эмиграции дали на примере творчества И.А. Бунина ряд философских интерпретаций, которые интересно сопоставить и проанализировать.

Русские философы о И.А. Бунине

Прежде всего следует обратиться к известной книге И.А. Ильина «О тьме и просветлении», в которой есть отдельная (первая) глава о И.А. Бунине. Ильин развивал концепцию «художественного акта», в контексте которой рассматривал и творчество Бунина. Он признавал художественную «зоркость» и «честность» Бунина, отмечая, что в его творчестве получили выражение атмосфера русской дворянской усадьбы и народная, крестьянская стихия. Художественный (эстетический) акт Бунина Ильин свел к восприятию внешнего, чувственного опыта. А далее он уже дал свою оценку творческому опыту

Бунина: «Этот опыт открыл ему доступ к жизни человеческого инстинкта, но затруднил ему доступ к жизни человеческого духа» [Ильин 1996, 215]. По мнению Ильина, Бунин имел в творчестве единственную задачу: «видеть внешний мир и сквозящую через него жизнь инстинкта и их живописать» [Ильин 1996, 215]. Называя Бунина «чистым художественным медиумом», Ильин становится на субъективную точку зрения: он полагает, что писатель должен созерцать внешний мир только для того, чтобы увидеть жизнь духа. Жизнь «природного, естественного человека», мир «инстинктов» (страстей, желаний) сами по себе не могут быть достойны внимания писателя, но, как полагал Ильин, должны служить ему материалом для «просветления» и духовного преодоления.

Книга Ильина «О тьме и просветлении» написана в конце 1930-х гг. (опубликована только в 1959 г.), и ее основные идеи вполне понятны в контексте того религиозно-философского мировоззрения автора, которое сформировалось у него в конце жизни. Однако если вспомнить феноменологию Гуссерля, с которой Ильин был хорошо знаком и изучал во время заграничной научной командировки в Германии, то творчество Бунина в контексте феноменологического метода выглядит совсем по-другому. Бунин часто созерцает жизнь (явления жизни) так, что совершенно выводит «за скобки» рефлексию, моральные и религиозные оценки (говоря философским языком, совершая «феноменологическую редукцию»). Для Ильина как религиозного философа такая позиция, конечно, неприемлема, т.к. для него писатель не должен быть чистым созерцателем или «медиумом». Точка зрения Ильина не только субъективна, но еще значительно упрощает отношение к творчеству Бунина, которое более многообразно и никак не сводится к одному «инстинкту».

Нельзя сказать, что Ильин совершенно не прав, т.к. он подмечает очень много важных деталей и особенностей в творчестве Бунина. Однако Ильин как философ должен сделать выводы, а для этого он вводит понятие «инстинкт», придавая ему какой-то субъективный смысл. Если рассмотреть инстинкт в мире животных, то его действие происходит по одним и тем же законам, можно сказать, почти

«автоматически». Ильин же употребляет слово «инстинкт» в каком-то другом смысле: «Этот инстинкт “полон жадного любопытства ко всему и ко всем”» [Ильин 1996, 223]. А далее восприятие природы у Бунина он понимает как «возврат инстинкта к природе» [Ильин 1996, 223]. Из размышлений Ильина получается, что человек обладает каким-то особым «инстинктом», который отличается «жадным любопытством», стремлением к впечатлениям и повышенным вниманием к внешнему миру. Однако в отношении Бунина такое понимание инстинкта означает всего лишь художественный дар писателя, прирожденный талант, основанный на личном восприятии. Ильин косвенно признает, что так понимает «инстинкт», когда указывает, что художественный акт Бунина «живет зрением, обонянием, слухом, вкусом, осязанием и пространственным воображением» [Ильин 1996, 224].

Далее утверждений, связанных с общей философской интерпретацией, Ильин не идет, только подробно иллюстрируя их многочисленными цитатами, призванными подтвердить правоту философа. Очень много он цитирует «Жизнь Арсеньева», отождествляя главного лирического героя с самим Буниным. К «Жизни Арсеньева» еще вернемся, чтобы подтвердить или опровергнуть точку зрения Ильина. Пока же только констатируем факт, что Ильин, высоко оценивая «художественный акт» Бунина, в рамках своей концепции признает его недостаточным и не соответствующим высшему эстетическому идеалу, выразителем которого в конце книги выступает другой русский писатель, И.С. Шмелев. Ильин прямо заявляет, что «художественный акт» Бунина, направленный на внешний, чувственный мир, идет «в ущерб, в устранение, может быть, даже в утрату нечувственных содержаний и состояний» [Ильин 1996, 232], а далее он описывает свой эстетический идеал, направленный на духовный мир, начав с Платона и перечислив нескольких поэтов и писателей (Данте, Петрарка, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Шмелев). Таким образом, для Ильина творчество Бунина служит только материалом для последующего обоснования личного мировоззренческого идеала по отношению к литературному творчеству.

Альтернативную концепцию, противоположную точке зрения Ильина, развивал известный философ Федор Степун в статье «Иван Бунин», опубликованной в 1934 г. и затем включенной в сборник «Встречи» (1962). Степун берет за основу своей концепции понятие «подлинности», «первозданности» таланта Бунина. Он пишет: «Раскрыть сущность подлинности – значит раскрыть тайну бунинского творчества» [Степун 2000, 681]. Более того, Степун понимает тайну подлинности как органическое единство между личностью и абсолютной истиной. Об «инстинкте», который так занимал Ильина, Степун пишет, но совершенно в противоположном смысле, подчеркивая, что Бунин прошел свой литературный путь, минуя декадентские и политические искушения, благодаря «царственной свободе, укорененной в твердом, инстинктивном знании того, что ему, т.е. его таланту, нужно и что не нужно» [Степун 2000, 682]. По мнению Степуна, Бунин, опираясь на «инстинктивное знание», достиг «в известном смысле, абсолютного», т.е. понимания каких-то основ жизни, скрытых от обычного наблюдения. Степун объясняет: «Созерцание мира умными глазами стоит любой мирозерцательной глубины» [Степун 2000, 684].

Вводя понятия «инстинктивное знание» и «умные глаза», Степун явно сближал творчество Бунина с философией, с чем был совершенно не согласен Ильин, считавший уделом Бунина только какое-то «до-духовное», природное бытие. Интересно отметить, что Степун, как и Ильин, ссылаясь на ту же «Жизнь Арсеньева», чтобы указать на духовность и философичность Бунина. Он полагал, что «Жизнь Арсеньева» – это «отчасти философская поэма, а отчасти симфоническая картина», в этом произведении Бунина «слились две темы: метафизически-психологическая тема высветления бунинских воспоминаний в вечную память и исторически-бытовая тема гибели царской России» [Степун 2000, 689]. При этом Степун подчеркивал, что «философская поэма» разворачивается в нескольких планах – не только в природном (как считал Ильин), но еще в социальном, историческом и метафизическом. Такая «симфоническая картина», по мнению Степуна, достигается путем особого «художественного познания». Таким образом,

получаются две противоположные концепции: Ильин понимал творчество Бунина как лишенное духовности и философской мысли, связанное исключительно с чувственным опытом, а Степун видел в нем «умное созерцание», «художественное познание» социального, исторического и метафизического мира. Если Ильин был автором концепции, достаточно развернутой и обоснованной, но очень односторонне трактующей литературное творчество, то Степун только указал на «подлинность» таланта Бунина и на его метод «художественного познания», не показав более детально все особенности этого метода.

Третий пример, который необходимо привести как философское описание, при этом лишенное излишней концептуальности, – статья Владимира Ильина¹ «Бунин и злая жизнь» (1969). Автор этой статьи излагает несколько мыслей, не стремясь втиснуть их в рамки законченной концепции. В.Н. Ильин считал, что русская жизнь описана Буниным с таким мастерством, что художественная правда сама по себе превращает в ничто многие социальные и философские теории, которые владели умами дореволюционной интеллигенции.

Ранее В.Н. Ильин написал работу о русской философии, в которой выделял традицию русской мысли, назвав ее «пессимизм в философии». Влияние этой работы сказывается и в размышлениях В.Н. Ильина о Бунине, когда речь идет о буддистских мотивах и пессимистической метафизике в духе Шопенгауэра. В.Н. Ильин цитирует рассказ Бунина «Братья» и тут же замечает: «Конечно, всякий грамотный в истории философии, всякий читавший изложения учений Будды, Когелета, Гегеля, Шопенгауэра, Эдуарда Гартмана, Пауля Дейссена и др. – до нашего Ф.Ф. Зелинского с его гениальным “Vince, sol!” (“Побеждай, солнце!”), – всякий достаточно поднаторевший в этого рода философско-метафизическом и горько-пряном тумане и дурмане, всякий накурившийся опиума и гашиша в виде приправы к этим философским блюдам, сразу поймет, о какой мудрости здесь идет речь...» [Ильин 1969, 83]. Казалось бы, дальше должны следовать какие-то философские выводы

¹ Далее везде указываем его с инициалами, чтобы отличить от однофамильца И.А. Ильина.

и обобщения. Однако В.Н. Ильин заявил, что Бунину не нужна философия, потому что можно говорить о редком феномене, «когда за художника полностью и во всей силе умственных способностей мыслит его искусство, мастерство, и мыслит остро, едко, безошибочно попадая в цель» [Ильин 1969, 83].

По мнению В.Н. Ильина, Бунин не был философом, но он представляет то, что «можно назвать *художественным витализмом нашего времени*» [Ильин 1969, 84]. Используя термин «витализм», В.Н. Ильин не объясняет его смысл по отношению к Бунину, добавив только ряд цитат и размышлений, полагая, что в основе мастерства Бунина лежит особое понимание красоты, в свете которого пессимистические темы преобразуются «с точки зрения вечности». Таким образом, В.Н. Ильин делает несколько намеков на философский смысл, содержащийся в творчестве Бунина, но предпочитает избегать широких концептуальных обобщений. Возможно, такой подход В.Н. Ильина к творчеству Бунина не случаен и является осознанным методологическим выбором.

Творчество И.А. Бунина как «феноменология душевной жизни»

Если попытаться охарактеризовать творчество И.А. Бунина с философской точки зрения, то к его значительной части можно применить определение «феноменология душевной жизни». Под этим определением следует понимать описание душевных состояний литературных героев и их восприятие окружающего мира. И.А. Бунин чаще всего не описывает отдельно природу и человека, а соединяет их в единый мир, в котором одно проникает в другое. Таким образом, человеческое сознание в разных аспектах (чистое восприятие, осознанное восприятие, рефлексия, самоанализ и т.д.) является одной из главных тем в творчестве И.А. Бунина.

Возьмем в качестве примера «Жизнь Арсеньева»², которую упоминают и цитируют И.А. Ильин и Ф. А. Степун. Ни один

² «Жизнь Арсеньева» была охарактеризована литературоведом Ю.В. Мальцевым как «феноменологический роман»: «“Жизнь Арсеньева” – это не воспоминание о жизни, а воссоздание своего восприятия жизни и переживание этого восприятия (то есть новое “восприятие восприя-

из этих авторов не обратил внимания на один важный факт: Бунин в «Жизни Арсеньева» в главном герое воплощает не себя, хотя, конечно, использует личный опыт и воспоминания, а создает образ человека, говоря словами М. Хайдеггера, «заброшенного» в мир и ищущего в нем свой путь. Бунин очень точно реконструирует сознание, показывая его основы и главные элементы. Уже на первых страницах слово «сознание» встречается в очень интересном контексте: «Почему именно в этот день и час, именно в эту минуту и по такому пустому поводу впервые в жизни вспыхнуло мое сознание столь ярко, что уже явилась возможность действия памяти? И почему тотчас же после этого снова надолго погасло оно?» [Бунин 1988а, 8]. Бунин, скорее всего, задает риторический вопрос, на который знает ответ, но оставляет для читателя загадкой вопрос о пробуждении сознания. Очевидно, что «освещенную предосенним солнцем комнату» следует понимать как соединение привычной среды обитания, уже фиксированной в сознании ребенка, с восприятием внешнего мира, символом которого выступает солнце, солнечный свет. Самый простой уровень детского сознания понимается Буниным как сумма двух элементов – восприятие (созерцание) и память (фиксация).

Связь между элементами сознания складывается постепенно. Бунин отмечает: «Детство стало понемногу связывать меня с жизнью – теперь в моей памяти уже мелькают некоторые лица, некоторые картины усадебного быта, некоторые события...

тия»). Жизнь сама по себе как таковая вне ее апперцепции и переживания не существует, объект и субъект слиты неразрывно в одном едином контексте, поэтому я и осмеливаюсь назвать “Жизнь Арсеньева” первым русским феноменологическим романом (“ego cogito cogitata qua cogitata”))» [Мальцев 1994, 205]. Такая оценка романа Мальцевым получила признание, и появились исследования, в которых с феноменологических позиций рассматриваются и другие произведения Бунина (см.: [Колобаева 1998; Солнцева 2010; Кихней, Сафарова 2016; Zhao 2013]). К примеру, Н.М. Солнцева отмечает: «Позже, в 1910-е, Бунин написал целый ряд рассказов, как отвечающих эстетике традиционного реализма, так и утверждающих неореалистический стиль; в эмигрантских произведениях развился феноменологический стиль. Но все-таки уже в конце позапрошлого и в начале прошлого веков Бунин дал пример художественной феноменологической редукции, первичности созерцаний и восприятий» [Солнцева 2010, 180].

[Бунин 1988а, 10]. Самым главным событием раннего детства герой «Жизни Арсеньева» считает путешествие в город, что объясняется не только яркими впечатлениями, но еще и контрастом между привычной средой обитания и новым городским миром. Именно возвращение в привычный мир сохраняет воспоминание о городских впечатлениях: «...проехали какую-то обширную площадь, и перед нами опять открылся вдали знакомый мир – поля, их деревенская простота и свобода» [Бунин 1988а, 11]. Бунин находит точные слова для того, чтобы передать сущность детского мира, в котором начинает формироваться сознание лирического героя – «простота и свобода». Только вслед за созданием привычного, обыденного мира начинают проявляться сознательные чувства. Для Бунина на первом месте стоит чувство радости, связанное с летними днями в деревне. Однако сам Бунин полагал это чувство слишком простым, «бедным» («Все человеческие радости бедны»), так как радость не выходит за рамки привычного мира, не является глубокой и по-настоящему сознательной. Сознание еще живет на уровне самых простых чувств и эмоций.

Глубокие чувства с точки зрения Бунина начинают проявляться с того момента, когда происходит осознание смерти. Герой Бунина заявляет о том, что принадлежит к людям, которые «с младенчества имеют обостренное чувство смерти (чаще всего в силу столь же обостренного чувства жизни)» [Бунин 1988а, 23]. Бунин тонко подметил эту особенность человеческого восприятия: осознание бренности и мимолетности жизни порождает повышенную чувствительность к внешним явлениям, тогда как привычка и обыденное сознание удаляют человека от загадочности окружающего мира. Иначе говоря, в мире Бунина и его героев смерть становится символом, который придает жизненным событиям какое-то высшее значение. Алексей Арсеньев, герой Бунина, приписывает матери чувства, что «все проходит и пройдет навсегда и без возврата, что в мире есть разлуки, болезни, горести, несбыточные мечты, неосуществимые надежды, невыразимые или невыраженные чувства – и смерть...» [Бунин 1988а, 25]. На самом деле это его чувства,

которые заставляют фиксировать каждое мгновение жизни, искать радость в мимолетных переживаниях и впечатлениях.

Следующим шагом в формировании сознания в «Жизни Арсеньева» становится творчество – Алексея Арсеньева привлекают сначала краски на мольберте и возможность изобразить впечатление от увиденного, затем – литература и словесные образы (упоминаются и цитируются А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь). Арсеньев признает, что жил «не той подлинной жизнью, что окружала меня, а той, в которую она для меня преобразалась, больше же всего вымышленной» [Бунин 1988а, 36]. Творческое, преображенное сознание раздвигает мировоззрение героя, позволяет вообразить и живо представить то, что уже не существует или находится далеко – то, что герой увидит спустя много лет в путешествиях и поразится верности детского воображения. Таким образом, творчество и вымысел противостоят смерти и забвению.

Далее в «Жизни Арсеньева» следует период учебы в городской гимназии, после которого герой возвращается в деревню, где опять начинают раскрываться его творческие способности. О них сказано следующее: «Это было уже начало юности, время для всякого удивительное, для меня же, в силу некоторых моих особенностей, оказавшееся удивительным особенно: ведь, например, зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги...» [Бунин 1988а, 80]. Именно от избытка ощущений рождается потребность в творчестве. Бунин, безусловно, имел свою «философию творчества», которая фрагментарно изложена в его различных сочинениях. В «Жизни Арсеньева» творчество органично вытекает из той созерцательной жизни, которую ведет главный герой: «...ночь сидеть при свечах в своей комнате, читать и писать стихи, потом бродить в саду...» [Бунин 1988а, 112]. Сад, деревня, усадьба, поля уже не просто созерцаются, а становятся источником и фоном для словесного творчества.

Герой Бунина Алексей Арсеньев выходит в большой мир, в котором пытается найти применение своим творческим способностям. Он путешествует, а затем обретает первую

настоящую любовь, которая является символом жизненной полноты и радости. Вымышленная Буниным Лика становится тем ликом любви, который для Арсеньева воплощает все его надежды и мечты. Однако эта высшая любовь, придуманная поэтом, оказывается недостижимой, в итоге она заканчивается смертью героини. И любовь, и смерть одинаково загадочны для Бунина, символизируют тайну жизни.

Бунин очень много писал о любви, описывал множество ее обликов (особенно в цикле рассказов «Темные аллеи»). Он делал акцент на случайность, мимолетность любовных увлечений и чувственной страсти. То, что И.А. Ильин принимал исключительно за описание чувственного опыта, у Бунина является лишь фиксацией внешнего облика, который принимает любовь в повседневной жизни. Однако у Бунина всегда есть намеки на то, что любовь открывает выход к совершенно другому, «не чувственному» восприятию жизни. Любовь всегда такова, какой ее делает сам человек, который может подняться от мимолетной страсти к пониманию высшего значения любви (рассказы «Холодная осень», «Прекраснейшая солнца» и др.). Любовь и смерть не дают человеку замкнуться в себе, объединяют его со всем миром, заставляют искать в жизни какой-то высший смысл. Кратко Бунин высказал философскую идею своего творчества в конце рассказа «Возвращаясь в Рим»: «Сократ, призывая человека к познанию “самого себя”, имел в виду не познание особенностей, пороков или добродетелей, заключенных в человеке, но искание и пробуждение в себе того “божественного”, что есть истинная суть человека» [Бунин 1988б, 507].

Творческое кредо Бунина звучит еще в диалоге, в котором Арсеньев доказывает, что «нет отдельной от нас природы, что каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни» [Бунин 1988а, 183]. Личность не противостоит природе, а является ее частью, тесно с ней взаимодействует. В таких случаях, когда речь идет о связи человека и природы, филологами принято писать о влиянии Л.Н. Толстого на И.А. Бунина. Сам Бунин признавал литературное влияние Толстого, но есть основание предположить,

что религиозные и философско-мировоззренческие взгляды Бунина сформировались совершенно самостоятельно. Проверить данное предположение можно на примере книги Бунина «Освобождение Толстого».

Бунин увлечен личностью и учением Л.Н. Толстого. Он пытается понять смысл бегства Толстого из Ясной Поляны, его последнего «ухода». Одновременно Бунин выбирает те цитаты, которые ему лично близки и интересны из наследия Толстого. Бунину и его творческим убеждениям явно созвучна фраза Толстого «Личность есть то, что мешает слиянию моей души со Всем» [Бунин 1988в, 13]. Это «Всё» есть то, что мучило Толстого как недостижимое при жизни высшее совершенство, и то, что Бунин хотел видеть и описать в природе, слитной с личным восприятием и душевной деятельностью. Толстой, а вслед за ним Бунин, находят истоки указанного религиозно-философского учения в древности, в индуистской мудрости. Бунин обращает внимание на «Путь Возврата», в котором, по учению индуизма, исчезают границы «личного и общественного Я», «сливается сознание, жизнь человека с Единой Жизнью, с Единым Я – начинается его духовное существование» [Бунин 1988в, 15].

Очень легко, следуя философским стандартам, отождествить мировоззрение Толстого с пантеизмом и имперсонализмом. Однако Бунин, не будучи философом, показывает, что Толстой гораздо шире любых стереотипных представлений. Толстой жил в мире, в котором «нет ни материального, ни духовного, а есть только мое прохождение через пределы вечного, бесконечного» [Бунин 1988в, 29]. В божественном «Всё» сливается духовное и материальное, образуется высшее единство, которое Бунин ощущал с первых шагов в творчестве и то, что он пытался описать и выразить.

В книге Бунина содержится много цитат, воспоминаний, передающих облик Толстого, его личный характер. С одной стороны, Бунин стремится быть объективным внешним наблюдателем, с другой – спорит с укоренившимися стереотипами и поверхностными мнениями о Толстом. Он подвергает сомнению тот образ Толстого у большинства, для которого «философия его туманна и невразумительна, моральная проповедь или возбуждает улыбку (“прекрасные, но нежизненные бредни”), или возмущение (“бунтарь, для которого нет ничего святого”), а вероучение, столь же невразумительное, как и

философия, есть смесь кощунства и атеизма» [Бунин 1988в, 108]. Для Бунина же Толстой воплощает последовательную философию жизни, которая объемлет весь мир. Бунин искал высшей мудрости, которой, по его мнению, обладали «поэты, художники, святые, мудрецы, Будда, Соломон, Толстой...» [Бунин 1988в, 41]. У Толстого он нашел учение об освобождении, которое заключается «в разоблачении духа от его материального одевания», «в самоотречении» [Бунин 1988в, 43]. Это учение было близко Бунину, прошедшему в отношении к Толстому путь от мечты «о чистой, здоровой, "доброй" жизни среди природы, собственными трудами» [Бунин 1988в, 44] к пониманию философских и религиозных идей, общих для разных стран и эпох.

* * *

Таким образом, трудно согласиться с И.А. Ильиным, который находил в творчестве Бунина только внешний, чувственный опыт. Ильин оказался в плену схемы «идеальное – материальное», не увидев в Бунине писателя, который пытался вырваться за пределы вещественной действительности, осуществить «прорыв» в духовный мир высшего единства. Гораздо ближе к пониманию того, что является главным в творчестве Бунина, стоит Ф.А. Степун с его определением «умное созерцание», которое, однако, требует расшифровки и комментариев. Созерцание Бунина было не только «умным», а синтезом различных элементов, которые соединялись в единство творческим актом поэта и писателя. Бунин всю жизнь вглядывался в окружающий мир, находя в нем законы красоты и гармонии, а за пределами человеческих страстей и заблуждений видел путь к возможному духовному освобождению.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бунин 1988а – Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. – М.: Художественная литература, 1988. С. 5–248.

Бунин 1988б – Бунин И.А. Возвращаясь в Рим // Бунин И.А. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. – М.: Художественная литература, 1988. С. 505–507.

Бунин 1988в – Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1988. С. 5–145.

Ильин 1969 – Ильин В.Н. Бунин и злая жизнь // Возрождение. 1969. № 215. С. 77–89.

Ильин 1996 – Ильин И.А. О тьме и просветлении // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 1. С. 185–406.

Кихней, Сафарова 2016 – Кихней Л.Г., Сафарова Т.В. Лирическая новелла Ивана Бунина в свете его феноменологических и экзистенциальных поисков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2016. № 1. С. 43–50.

Колобаева 1998 – Колобаева Л. От временного к вечному (Феноменологический роман в русской литературе XX века) // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 132–144.

Мальцев 1994 – Мальцев Ю.В. Иван Бунин, 1870–1953. – Франкфурт-на-Майне; М.: Посев, 1994.

Солнцева 2010 – Солнцева Н.М. И.А. Бунин и И.С. Шмелев: к вопросу о стиле // И.А. Бунин и его окружение: к 140-летию со дня рождения / сост. Т.М. Бонами, Т.В. Гордиенко, Л.А. Колобаева, И.А. Ревякина. – М.: Русский импульс, 2010. С. 173–185.

Степун 2000 – Степун Ф.А. Иван Бунин // Степун Ф.А. Сочинения. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 680–690.

Zhao 2013 – Zhao Xiaobin. The Phenomenological Interpretation to *The Life of Arseniev* // Russian Literature & Arts. 2003. No. 1.

REFERENCES

Bunin I.A. (1988a) *The Life of Arseniev*. In: Bunin I.A. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol. 5, pp. 5–248). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Bunin I.A. (1988b) *Return to Rome*. In: Bunin I.A. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol. 5, pp. 505–507). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Bunin I.A. (1988a) *The Liberation of Tolstoy*. In: Bunin I.A. *Collected Works in 6 Vols.* (Vol. 6, pp. 5–145). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Ilyin V.N. (1969) *Bunin and Evil Life*. In: *Vozrozhdenie*. No. 215, pp. 77–89 (in Russian).

Ilyin I.A. (1996) *On Darkness and Enlightenment*. In: *Collected Works* (Vol. 6, part 1, pp. 185–406). Moscow: Russkaya kniga (in Russian).

Kikhney L.G. & Safarova T.V. (2016) *Ivan Bunin's Lyric Novel in the Light of His Phenomenological and Existential Searches*. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*. No. 1, pp. 43–50 (in Russian).

Kolobaeva L. (1998) *From the Temporary to the Eternal (Phenomenological Novel in Russian Literature of the 20th century)*. *Voprosy literatury*. No. 3, pp. 132–144 (in Russian).

Maltsev Yu.V. (1994) *Ivan Bunin, 1870–1953*. Frankfurt am Main: Posev (in Russian).

Solntseva N.M. (2010) I.A. Bunin and I.S. Shmelev: On the Problem of Style. In: Bonami T.M., Gordienko T.V., Kolobaeva L.A., & Revyakina I.A. (Comp.) *I.A. Bunin and His Circle: On the 140th Anniversary of the Birth* (pp. 173–185). Moscow: Russkiy impul's (in Russian).

Stepun F.A. (2000) *Ivan Bunin*. In: Stepun F.A. *The Works* (pp. 680–690). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Zhao Xiaobin (2013) *The Phenomenological Interpretation to The Life of Arseniev*. *Russian Literature & Arts*. 2003. No. 1.